

and most Potuhna (and largely I. S. Turgenev), and the whole social group of radical Russian Westerners mid-nineteenth century. (And not only). The elements of this cultural and psychological systems include such factors as: the need for cultural borrowing from the West, historical backwardness, harm to society «samorodnytstva» as a social phenomenon, acute rejection of the idea of the historical and cultural identity of.

Thus, the analysis of classical art, including novel I. S. Turgenev's «Smoke» can be very significant source of information for the study of a particular historical epoch, its outlook, features mentality philosophical thought. Among the philosophical aspects of the analysis of the novel «Smoke» can separate the elements of historical and philosophical, philosophical, historical, philosophical and scientific.

The first provides important information provided (in the form of art) on the philosophical dialogue Russian Westernizers and Slavophiles. Philosophical and historical reflection element constitute the characters of the novel (which reflect certain social groups) about the aims and historical development of Russia. Philosophical and scientific component is to attempt to integrate cognitive space of scientific knowledge (in this case mainly historical) research on the socio-cultural reality of the last artistic methods.

The historical, mainly, historical and anthropological aspects of the analysis of this work I. S. Turgenev, include the study of such issues as the mentality and outlook of certain social groups in the mid XIX. st. These studies can be divided into the following elements: the mentality and ideology of radical Westerners sociocultural stereotypes relations of Russia and Western civilization, the impact installations mentality and ideology of social groups on the historical development of society (according to the novel «Smoke» – Russian society the middle of the nineteenth century.).

Keywords: historical anthropology, mentality, philosophical thought, artistic creation, I. S. Turgenev.

Надійшла до редколегії 01. 03. 2013 р.

УДК 111

О. Н. Андреева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Тамбов

РЕФЛЕКТИВНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ МОДУСОВ БЫТИЯ В КУЛЬТУРЕ С ПОЗИЦИЙ «СЕМАНТИЧЕСКОГО»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Онтологические модусы «бытие в себе», «бытие для себя» и «бытие для другого» имеют различные семантические позиции, обусловленные содержанием и структурой модусов и составляющих культуры. Релевантным для воплощения бытия с позиций «семантического» является интерпретация смыслов вербальных и невербальных компонентов культуры.

Ключевые слова: культура, бытие, модусы бытия, онтология, семантические релеванты, «возможное», «сущее», «должное», «семантическое», рефлексивное воплощение, интерпретация, семасиология.

Культура как явление бытия, как его отражение и развитие, в конечном счёте, как само бытие всецело и всеобъемлюще. «Бытие» и «культура» – взаимопроникаемые и взаимодополняемые категории: начало бытия как акта существования и развития всего сущего подразумевает начало (возникновение) и развитие культуры как смысла существования, как фокуса передачи и движения знаний, мыслей; как идея существования бытие может актуализироваться только как развитие культурных знаний, культурных смыслов, культурных понятий. Объективация и интерпретация всего сущего происходит в рамках составляющих культуры как онтологического процесса. Объективация как система мыслей предметной сферы и интерпретационных полей порождают разность культур, то есть разность онтологий, в связи с чем «онтологию можно расценить как семантическое ядро культуры, производящее смыслозначимые каркасы мира» [6, с. 163]. В большинстве практик осуществления составляющих культурных систем онтологические фокусы реализуются в составе так называемых «модусов бытия»: «бытие в себе», «бытие для себя», «бытие для другого». Каждый модус бытия не существует изолированно; между ними наблюдается непрерывное взаимодействие и взаиморазвитие при реализации культурных сценариев. Модусы бытия показывают постоянное развитие культуры как основы бытия, жизнедеятельности социума, индивида.

В философии модусы бытия как семантические релеванты культуры не могут рассматриваться отдельно от их воплощения, реализации. Бытийность модусов проявляется не только в их существовании, развитии, но и в их воплощении, представлении, в передаче смыслов. Онтологические основания культуры, воплощение модусов бытия рассматривались в трудах современных философов, в частности, П. Гуревича, Г. Зиммеля, В. Ильина, М. Кагана, П. Сорокина, В. Степина и др.

Акты различного рефлексивного воплощения модусов бытия чаще всего триедины: «бытие, взятое с позиций «возможного», «бытие, взятое с позиций «сущего» и «бытие, взятое с позиций «должного» [6, с. 166]. «Возможное», «сущее» и «должное» – это не что иное, как категориальный аппарат мышления, рассмотрение бытия как воплощения

в реализации основных контекстов существования. Это категории абстрагированного восприятия, категории общие, которые «вписывают» в свою структуру всё множество вариаций в той или иной степени и возможности реализации бытия. Однако онтология как семантико-семиотическое ядро культуры не столь категорична/абстрактна в своих суждениях. Культура и есть воплощение «возможного», «сущего» и «должного», но культура помимо этого интерпретирует, анализирует, сопоставляет составляющие своей структуры, объясняет их, показывает их смыслы. В связи с этим одной из главных проблем, являющейся частью общей проблемы рефлексивного воплощения модусов бытия, является проблема реализации модусов бытия, взятых с позиций «семантического». В литературе проблема реализации модусов бытия, взятых с позиций «семантического», отдельно не анализировалась, в связи с чем особое внимание автора уделяется рассмотрению семантико-семиотических составляющих бытия культуры, смыслов культурных явлений. Указанная проблема связана с важнейшими научными и практическими задачами: реализация бытия с позиций «семантического» позволяет аккумулировать научные знания о значении и смысле того или иного элемента культуры, анализировать их, использовать для построения новых научных теорий, для поиска новых онтологических значений. В практическом плане данный фокус реализации бытия позволяет развивать культуру, олицетворять её смыслы, создавать новые акциональные значения на базе существующих истолкований.

Цель написания статьи – обоснование на конкретных примерах возможности рефлексивного воплощения модусов бытия в культуре, взятых с позиций «семантического».

Выявление семантических смыслов осуществления бытия, семантического ядра онтологии, базирующегося на знании содержания и форм рефлексивного воплощения модусов бытия, не может быть единственно верным, имеющим определённый алгоритм. Сама широта и всеохватность любого культурного явления подразумевает множество трактовок и интерпретаций, основой которых является сумма знаний (предметная область бытия) интерпретатора, важность культурного события (ситуации), акциональная соотнесённость с ситуацией бытия, рамки реализации культурного события и множество иных факторов. Позиция «семантического» – динамически развивающаяся из значений и смыслов первопричины сущего, последовательно формирующая иные значения и смыслы. Бытие культуры, взятое с позиций «семантического», подразумевает интерпретацию системы знаков культуры, их значения, смысла, формы, выражения.

В литературе неоднозначно прослеживается мысль о том, как используется интенциональная и референтная части буквального прочтения текстов для построения их итогового интенционала – через универсализацию функций составляющих текст компонентов. В данном процессе немаловажную роль играет система универсального разграничения категорий «значение» и «смысл» в семантической структуре языка. Данный теоретический аспект проблемы относится и к сфере онтологии культуры с позиций «семантического». Традиционно являясь основными категориями семантики, понятия «значение» и «смысл» остаются в современной семасиологии (по отношению друг к другу) не только неоднозначными, но и противоречивыми. Проблема соотношения значения и смысла настолько многогранна, что часть учёных их не разграничивает, употребляя соответствующие термины как абсолютные синонимы.

Известные дихотомии В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра развели эти понятия в разные стороны: значение – в сферу языка, а смысл – в сферу речи. «Значение» и «смысл» как продукты мыслительной деятельности оказываются в той или иной мере связанными с двумя познавательными операциями: «значение» формируется, главным образом, в результате узнавания предметов путём определения их сходных и отличительных признаков, а познавательным субстратом «смысл» выступает понимание места и роли этих предметов в структуре соответствующей ситуации или фрагмента деятельности.

Смысл возникает в результате мыслительного кодирования отношения мотива (мотивационно побуждающего фактора в речепорождающем процессе) к цели (к тому, ради чего, собственно, и осуществляется речемыслительная деятельность). Это направление в самом общем виде рассматривает движение мысли от системы к её речевой реализации.

Категория «смысл» связана с пониманием высказывания и с различными модификациями языковых значений.

Семантически смысловые структуры различаются не только набором сем, но и уровнем их абстрагированности. Семантическая структура абстрагирована от предметного обозначения, а смысловая структура предметно ориентирована, всегда направлена на референт.

Для понимания функций составляющих культуры необходимо знание, прежде всего, означающего знаковой структуры. Воплощение модусов бытия в культуре с позиций «семантического» должно развиваться по двум параметрам: лингвистическому и

культурологічному [1, с. 16].

Лингвистический параметр воплощения модусов бытия в культуре с позиций «семантического»

Лингвистические параметры воплощения модусов более интенсивное развитие получают в коммуникативно-прагматических текстовых теориях (центральная проблема – взаимодействие языка и социальной коммуникации). Согласно дихотомии «язык – речь» Ф. де Соссюра, предложение и текст относятся к сфере речи (этой же точки зрения придерживались такие учёные, как Л. Блумфильд, А. Гардинер, В. А. Звегинцев, Р. Якобсон и др.).

Большинство определений термина «текст» отождествляют данное понятие с речью, поэтому текст – это, прежде всего, процесс речевой деятельности. Конкретный, индивидуальный текст есть единица речи. Текст можно определить как продукт, результат языковой деятельности человека, направленный на коммуникацию.

Для решения цели и задач настоящего исследования текст понимается в очень широком смысле. С точки зрения общей семиотики, текст представляет собой сообщение информации, «осмысленную последовательность любых знаков, любую форму коммуникации» [9, с. 555], то есть всякая передача информации есть текст. Под информацией понимается вся совокупность данных об элементах бытия, содержащаяся в определённых знаках – кодах. Информация может быть зашифрована в разных видах. Текстом будет являться не только вербальная информация, передаваемая на естественном языке человека, но и существующие в разных формах невербальные её типы. Высказывания, построенные по законам языка, мимика, жест, обряд, танец, ритуал – это также определённые текстовые структуры, существующие по соответствующим информативным законам. Следует отметить, что важным признаком текста является его целостность и законченность. Текст предполагает построение и передачу сообщения, тему. Вокруг темы текста (концентрированная абстракция всего текстового содержания) организуется семантическое содержание текста, так называемое семантическое поле смысла. Главная цель семантики текста – описание структуры понятий, лежащих в основе текста или частей текста и, в первую очередь, описание структуры семантических отношений текста. В связи с этим понятием «текст» целесообразно обозначать опосредованную номинацию событий, совокупность номинаций объектов и явлений бытия, модусов бытия, говоря о ситуационно-объектных отношениях в любом тексте.

Культурологический параметр воплощения модусов бытия в культуре с позиций «семантического»

Культурологический параметр и его представление в системе онтологического знания необходимо рассматривать как функционирование такого семантико-семиотического явления, такого трансформанта, как «составляющие культуры». Данные составляющие будут описаны с позиций семиологического анализа. Первостепенная задача семиологического анализа заключается в том, чтобы по возможности свести любое спонтанное явление к условности, любой естественный фактор – к фактору культуры, любую аналогию и соответствие – к коду, любой предмет – к символу, любой относительный признак – к соответствующему смыслу и, наконец, любое проявление деятельности – к социальному понятию.

Тексты многослойной структуры, соответствующего «порядка», по терминологии Ю. М. Лотмана, описывающие несколько составляющих модусов бытия, в отличие от текстов-высказываний на естественном языке, отличаются лишь степенью сложности информационного поля, содержащегося в их структурно-семантическом оформлении. При исследовании текста в культурологическом аспекте можно увидеть, по мнению Ю. М. Лотмана, базирующегося на исследовании языка искусства, что «текст, фактически, закодирован дважды: на естественном языке и на метаязыке грамматического описания данного естественного языка» [7, с. 203].

Если придерживаться точки зрения, согласно которой лингвистическим текстом можно считать текст на естественном языке (вербальном/невербальном), то можно утверждать, имея многочисленных предшественников, что любой элемент культурного явления прежде всего является лингвистическим текстом. Исторические, социальные, этнокультурные и иные изменения, непрерывно происходящие в человеческом обществе, определяют новые вехи и тенденции развития научной мысли. Так, в науке появляется мнение, согласно которому «текст не дан непосредственно и как таковой вообще может быть обнаружен только в определённой познавательной ситуации» [5, с. 70]. Это означает то, что практически любому лингвистическому тексту необходимо расширить свои рамки до границ культуры (необходимо заметить, что в данном контексте под понятием «культуры» имеется в виду образ жизни, смысл бытия и развития человеческой индивидуальности), то

есть явиться верным отражением всей культуры своего творца.

Современные тенденции развития бытия с позиций «семантического» предполагают воплощение его модусов как организованного целого, невербального текста, выраженного семиотическим языком культуры. При рассмотрении составляющих культуры как некоего культурного (лингвокультурного) текста за основу берётся семантический аспект процесса развертывания обрядово-ритуальных действий во всем разнообразии составляющих лексических кодов или «слоёв»: акционального, реального или предметного, вербального [10, с. 5-6], а также персонального, локативного, темпорального, музыкального, изобразительного и т. д. Таким образом, производится «горизонтально-вертикальный срез» культурного явления. При изучении фактов народной традиционной культуры на таком уровне обобщения наблюдается некая метасистема, где все компоненты системы как лингвокультурного текста относятся к содержанию единого комплекса, имеющего сложную, развивающуюся во времени структуру.

Как правило, смысловое поле лингвокультурного текста выходит за рамки содержания отдельно взятого вербального, акционального и других составляющих систему компонентов. Суть данного текста может быть раскрыта лишь при синтезе всех потоков информации при учёте и так называемого «контекстного потока», то есть значимости совершаемого события в культурной традиции в целом. Контекстный поток, в сущности, и определяет жанровую специфику текста, обусловленную влиянием экстралингвистических факторов.

Лингвокультурный текст является очень гибкой структурой и представляет собой своеобразное моделирование и оформление обрядово-ритуальных компонентов. В зависимости от этого культура как текст обладает и способностью к свёртыванию до уровня одного языкового элемента, вбирающего в себя всю сложность смысловой нагрузки (в данном случае уместно ввести терминологическое обоснование «слово-имя»), но может включать и полный набор языковых средств. Если текст представляет собой непосредственную характеристику каждого компонента культуры и как бы «растворён» в нем, то есть текст и составляющие культуры изначально однородны в результате проявления первичного синкретизма, то такого рода тексты, по мнению представителей этнолингвистической школы (Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая и др.), необходимо рассматривать как «тексты – обряды», «тексты – ритуалы». Полное разграничение текста и явления культуры (календарного праздника, обряда, ритуала) в этом случае ошибочно «не только из-за невозможности семантической интерпретации одного без другого, но и из-за их структурного взаимопроникновения и дополнительного функционального распределения: одно и то же содержание может быть выражено в одних случаях ... словом, в других – действием» [3, с. 167].

В науке уже утвердилась позиция об отнесении лингвокультурного текста к группе прецедентных текстов [8] как к «законченным и самодостаточным продуктам речемыслительной деятельности» [4, с. 8]. Для данной группы текстов, как и для других типов текстов, характерны следующие уровни текстовой структуры, определяющие построение и функционирование модусов бытия (*Textstrukturbenen*):

1) ситуативная структура (*Bedingungsgetuegestruktur*) – отражение в тексте коммуникативной ситуации;

2) тематическая;

3) интенциональная (*Intentionalstruktur*) – коммуникативные намерения автора текста;

4) языковая (*sprachliche Struktur*ebene);

5) метаязыковая (*Auxilianstruktur*) – метаязыковые сигналы членения текста, служащие для пояснения;

6) внешняя структура (*Praesentationstruktur*) – просодические элементы для устного текста, графический облик для текста письменного [11].

Указанные уровни текстовой структуры, несомненно, образуют более ёмкие глубинные и поверхностные структуры текста. Под глубинной структурой понимается наличие идейно-тематического содержания. Поверхностная структура – лингвистическая форма, в художественном тексте она формально-содержательная.

Наряду с выделенными текстовыми структурами не менее важное значение приобретают и текстовые категории, категории выражения бытия культуры. Одна из таких категорий – *континуум* – означает определённую последовательность фактов, событий, развёртывается во времени и пространстве. Сила континуума состоит в том, что он способен нивелировать темпоральные различия. Другая категория текста – *автосемантия*, то есть формы зависимости и относительной независимости отрезков текста по отношению к содержанию всего текста или его части. Немаловажными являются и такие категории, как *ретроспекция* и *проспекция*. По существу, данные категории являются формами дисконтинуума. В большинстве текстов ретроспекция проявляется имплицитно. Она

основана на способности нашей памяти удерживать ранее сообщённое и сцеплять его с сообщаемым в данном отрезке повествования. В проспекции имплицитность направляет внимание индивида, мобилизует его творческий потенциал. Любой текст также обладает категорией *завершённости текста*.

Данные понятия не нарушают закона логики развития языка, показывая тем самым, что «текст может возникнуть лишь тогда, когда язык (человек, владеющий языком) подчинит своим собственным нормам какой-то фрагмент материальной субстанции и приспособится к определённым свойствам материальной субстанции» [2, с. 57]. Эта идея находит своё развитие в трудах Ю. М. Лотмана, который утверждал, что высказывание на естественном языке может стать текстом лишь в том случае, если будет превращено в ритуализованную форму, закодированную каким-либо вторичным языком. Такие высказывания Ю. М. Лотман называет текстами первого порядка. Тексты второго порядка более сложны и представляют собой «соединение каких-либо формул», то есть здесь может происходить соединение текстов на принципиально различных языках (вербальном – невербальном), например, словесная формула и ритуальный жест способствовали возникновению текстов типа «ритуал», «обряд», «действие». Наиболее сложными, согласно размышлениям Ю. М. Лотмана, являются тексты третьего порядка – художественные тексты [7, с. 203]. Так, теория Ю. М. Лотмана о трёхслойности текстов представляет реализацию на практике трёх модусов бытия: «бытие в себе» – тексты первого порядка, «бытие для себя» – тексты второго порядка, «бытие для другого» – тексты третьего порядка. Рефлексивное воплощение указанных модусов бытия с учётом их взаимодействия и взаимопроникновения также происходит с позиций «возможного», «сущего», «должного» и «семантического», причём последнее воплощение релевантно для каждого из модусов.

Представляется важным выделение из структуры культурных воплощений собственно фольклорных систем – текстов в узком смысле – речевых единиц, кодирующих и передающих информацию языковыми средствами. Категория «культурный текст» совпадает в определении предметных границ с представленными семиотическими составляющими текстовых структур как центральным звеном лингвокультурного текста. При этом текст по своим функциям выходит за рамки лингвистических знаний, так как является не конечным результатом создания, а способом воздействия, средством передачи информации и регуляции отношений человека в пространстве бытия. В области культуры функционирует не одна, а комплекс языковых или знаковых систем, включающий вербальные, интонационные (звуко-ритмические), изобразительные (в том числе – пластические, мимические, предметно-символические), акциональные (кинетические) средства выражения, выработанные данной этнической общностью и традиционным образом кодирующие сложный спектр содержания и значений. Язык в культуре, особенно в её празднично-обрядовых и ритуализированных формах, обладает свойствами условности, обобщённости (концентрации), многозначности, наделён магической силой, что свидетельствует о значительной символической нагрузке знаковых систем. При этом необходимо иметь в виду, что знаковая система в культуре – не отвлечённый умозрительный код, а символическое выражение, с одной стороны, опирающееся на конкретно-чувственное, образное мировосприятие, с другой – имеющее традиционные, выработанные в культурной практике значения.

На определённой ступени развития лингвокультурный текст представляет собой усложнённую систему, компоненты которой обнаруживают высокую степень обобщения функционального начала и способны «перемещаться» в качестве самостоятельных текстов, актуализируясь в различных обрядовых или бытийных ситуациях, вступая в новые системные отношения и образуя культурные тексты-комплексы.

В случаях сложного полиэлементного строения цельность лингвокультурному тексту придаёт, во-первых, общее смысловое и функциональное поле, возникающее на уровне слияния взаимодействующих семантических линий, во-вторых, общие и нередко скоординированные, пронизывающие и объединяющие все знаковые ряды композиционно-ритмические закономерности. Все образующие художественную форму семиотические ряды представляют собой равноценные языки-коды, «расшифровка» которых имеет неопределимое значение при выявлении семиотических составляющих текстовых структур и анализе синкретизма авторского понимания первоисточника и всевозможных элементов нелингвистического плана.

Семантико-семиотическое ядро культуры, ярко выраженные семиологические смыслы, акциональные и обрядово-ритуализированные константы в системе культуры закреплены в так называемых лингвокультурных текстах. Лингвокультурный (культурный) текст как форма трансляции, «транскрипции» культуры всегда семантически насыщен, представляет собой знак культуры с позиций «семантического» анализа.

Модусы бытия, находя своё выражение в знаковых структурах, рефлексивно осваиваются и устанавливаются в «возможном» бытии (процесс осваивания новых культурных смыслов, возможное их воплощение и интерпретация), в «сущем» бытии (каждый элемент культуры существует в настоящем, опирается на «чувство жизни» [6, с. 166]), в «должном» бытии (каждый элемент необходимо выполняет какие-то присущие ему функции, назидает о «совершенной жизни» [6, с. 166]), в «семантическом» бытии (анализ значения и смыслов элементов культуры). Бытие с позиций «семантического» интерпретирует способы выражения смысла и значения, а также контекстную семасиологию указанных рефлексивных воплощений модусов бытия.

Библиографические ссылки:

1. Андреева О. Н. Системный анализ проблем лингвокультуроведения в процессе подготовки кадров управленческой среды: монография / О. Н. Андреева. – Тамбов: Изд-во Чеснокова А. В., 2008. – 172 с.
2. Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С. А. Васильев. – Киев: Наукова думка, 1988. – 240 с.
3. Виноградова Л. Н. Ритуальное приглашение мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Малые формы фольклора: сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. – М., 1995. – С. 49 – 98.
4. Гунько Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10. 02. 01) / Ю. А. Гунько – [С.-Петербург. гос. ун-т]. – СПб., 2002. – 24 с.
5. Донских О. А. Проблемы осознания текста в истории европейской культуры / О. А. Донских // Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989. – С. 35 – 71.
6. Ильин В. В. Философия: учеб. В 2 т. / В. В. Ильин. – Ростов н/Д: «Феникс», 2006. – Т. 1. – 832 с. – (Высшее образование).
7. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М., 1997. – С. 202 – 205.
8. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – М. : Наука, 1993. – 189 с.
9. Николаева Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
10. Толстой Н. И. Фрагмент славянского язычества: Архаический ритуал – диалог / Н. И. Толстой // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. – М., 1984. – С. 5 – 72.
11. Hengst K. Eigennamen und Textstruktur / K. Hengst // Proceedings of the XIV th International Congress of Onomastic Sciences. – Aberdeen, 1996. – S. 32 – 43.

Адресса О. М. Рефлексивне втілення модусів буття в культурі з позицій «семантичного»: теоретичні та практичні аспекти.

Онтологічні модуси «буття в собі», «буття для себе» і «буття для іншого» мають різні семантичні позиції, зумовлені змістом і структурою модусів і складових культури. Релевантним для втілення буття з позицій «семантичного» є інтерпретація смислів вербальних і невербальних компонентів культури.

Ключові слова: культура, буття, модуси буття, онтологія, семантичні релеванти, «можливе», «суще», «належне», «семантичне», рефлексивне втілення, інтерпретація, семасіологія.

Andreeva O. The reflective realization of modes of existence in culture from the attitude of «semantic» part: theoretical and practical aspects.

The purpose of writing of article is the explanation of possibility of a reflective realization of modes of existence taken from the attitude of «semantic» part on concrete examples in the culture. Ontologic modes «existence in themselves», «existence for themselves» and «existence for another» have various semantic attitudes caused by the contents and structure of modes and components of culture. The interpretation of meanings of verbal and nonverbal components of culture. Modes of existence, being expressed in sign structures, are reflectively accustomed and established in «possible» existence (process of researching of new cultural meanings, their possible embodiment and interpretation), in «real» existence (each element of culture exists in the present and relies on «feeling of life»), in «due» existence (each element necessary carries out its functions and points at «perfect life»), in «semantic» existence (the analysis of value and meanings of elements of culture). Existence from the positions of «semantic» part means interpretation of the system of the signs of culture and their meanings, senses, forms and expressions; also it interprets the ways of expression of sense and meaning, and contextual semasiology of the specified reflective realization of the modes of existence. Meaning and sense are connected with two informative operations: meaning is formed, mainly, as a result of recognition of subjects by definition of their similar and different signs, and «sense» acts as an informative substratum of understanding of a place and a role of these subjects in the structure of the corresponding situation of existence. The Semantic-semiotic center of culture, pronounced semiologic meanings, effective and ceremonial ritual constants in the system of culture are fixed in lingua cultural texts. The lingua cultural (cultural) text as a form of translation, «transcription» of culture is always semantically informative and represents a culture sign from the attitude of the «semantic» analysis.

Keywords: culture, existence, modes of existence, ontology, semantic relevant parts, a «possible», «real», «due»,

«semantic» part, reflective embodiment, interpretation, semasiology.

Надійшла до редколегії 01.03.2013 р.

УДК 316.7

Т. А. Аргашкина

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ГИБРИДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цель данной статьи – проанализировать процесс становления российской идентичности в историко-культурном контексте. Устанавливаются тенденции, репрезентирующие процесс становления российской идентичности, которая носит гибридный характер. Онтологический фундамент российского типа гибридной идентичности составляют бинарные оппозиции: «противоборство – единение», «традиция – обновление». Выделяются основные компоненты такого типа идентичности. В современных условиях формируется новый тип идентичности, которая уже не будет удовлетворять единству всего социокультурного пространства страны, как это было в годы советской власти.

Ключевые слова: идеологический раскол, национальная идея, евразийство, неоднородность социокультурного пространства, толерантность, кризис идентичности, теория социальных эстафет, модернизация культуры, культурная революция, российская цивилизация, российская идентичность, гибридная идентичность, компоненты гибридной идентичности.

Как повсеместно отмечается в литературных источниках, несомненным фактором социокультурного характера последнего десятилетия является рост цивилизационного самосознания россиян. Однако в тех же источниках подчеркивается, что имеет место некая антиномия: авторитет теории локальных цивилизаций крепнет, а понятие «российская цивилизация» все чаще становится предметом критики. Идеологический раскол намечился по оси «российская цивилизация – русская цивилизация».

Генетически данный раскол непосредственно связан с поисками национальной идеи, которые начались после развала Советского Союза. Представители разных точек зрения сходились в одном: общенациональная консолидация особенно необходима в кризисных ситуациях, когда различные политические и социальные силы поступают своими узкогрупповыми интересами в пользу общих целей нации и государства. Поскольку в те годы все советское решительно отвергалось, то первоначально действия были направлены на поиск национальной идеи, способной сплотить всех граждан России и способной противостоять коммунистической морали. Если изначально в таких дискуссиях принимали участие политики и отдельные представители интеллигенции, то позднее к поискам национальной идеи присоединяются все новые и новые социальные слои. Эти поиски продолжаются до сих пор, то затихая, то усиливаясь.

Критики национальной идеи указывают, прежде всего, что интерес к такой идее был следствием изменившейся в начале 1990-х гг. территориальной и демографической ситуации в стране. Однако национальная идея достаточно быстро трансформируется в русскую национальную идею. Еще более весомой причиной осознания русской этничности и роста русского национализма оказались политика новой власти и позиция демократической элиты. В этой связи представляет интерес пример, приведенный Г. Г. Кириленко и позволяющий хотя бы отчасти понять механизм современного русского национализма: «В одном социологическом исследовании, проведенном в целях выявления самооценки представителей различных этносов, наихудшую оценку получил вымышленный народ – некие «данарийцы», введенный в анкету умышленно, в целях прояснения оппозиции «мы и они». Неизвестное – значит иное, пугающее, не похожее на нас. Отношение к чужому – мощный стимул самоидентификации» [6, с. 74].

На этом фоне многими исследователями и представителями общественности сохраняется изначально неизменной потребность в ликвидации социокультурного раскола России и в объединении всех социальных сил, и предлагаются разные пути выхода России из системного кризиса. В дискуссиях о путях развития российской государственности родился очередной идеологический раскол: «евразийство – атлантизм».

Заметим, что в начале и конце XX столетия в России наблюдается, по сути, одна и та же социокультурная ситуация и такая же социокультурная проблематика. Наличие исторических аналогий и параллелей, вызванных модернизационными процессами развития страны, означает, что механизм трансляции духовных ценностей в рамках российского государства в течение XX столетия нарушался дважды. Если в начале XX столетия евразийство было одним из направлений общественной и философской мысли, то в начале XXI века оно уже принимает форму философско-политического движения.

Идеологи неоевразийства считают, что евразийская философия выражает основные константы русской истории. В частности, А. Г. Дугин отмечает: «В нашей истории были